

КОНЦЕПЦИЯ ОБЕЗОРУЖИВАЮЩЕГО УДАРА В НОВУЮ ЭПОХУ

Круглый стол

14 июня 2017 г. в Москве состоялся международный семинар «Прорывные технологии, будущее сдерживания и вызовы стратегической стабильности» организованный ПИР-Центром, Дипломатической академией МИД России и Школой дипломатической службы имени Эдмунда Уолша Джорджтаунского университета (США). В рамках первой сессии семинара «Концепция обезоруживающего удара в новую эпоху» руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Алексей **Арбатов**, директор программы ПИР-Центра «Россия и ядерное нераспространение» Андрей **Баклицкий**, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН Владимир **Дворкин**, советник генерального директора авиационной холдинговой компании Сухой (в 1992-1997 гг. начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ) Федор **Ладыгин**, доцент Школы дипломатической службы имени Эдмунда Уолша Джорджтаунского университета Кейр **Либер**, главный советник Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России Андрей **Малов**, член Экспертного совета ПИР-Центра Евгений **Мясников**, доцент факультета управления Дартмутского колледжа Дэрил **Пресс**, член Экспертного совета ПИР-Центра Владимир **Рыбаченков** и главный научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Александр **Савельев** обозначили новые факторы, влияющие на стратегическую стабильность и ядерное сдерживание, обсудили место обезоруживающего ядерного удара в военных стратегиях.

КЕЙР ЛИБЕР: Мы собрались здесь сегодня для того, чтобы поговорить о новой эпохе в том, что касается обезоруживающего ядерного удара. Хочу сразу суммировать в двух предложениях наши ключевые идеи. Первое – быстрые технологические изменения делают ядерные арсеналы все более уязвимыми. Второе – одним из ключевых последствий этого стало то, что сокращение ядерных арсеналов становится все более опасным и потенциально может стать дестабилизирующим фактором.

В прошлом сокращение ядерных арсеналов было разумным. Оно позволяло сэкономить ресурсы, повысить доверие между противниками и, что самое важное, обеспечить стратегическую стабильность. Под стратегической стабильностью я понимаю уменьшение стимулов для одной стороны по использованию ядерного оружия в отношении другой. Во время холодной войны

сокращение ядерного арсенала было очень разумным. И СССР, и США обладали огромными арсеналами, которые не позволяли ни одной из сторон даже на бумаге нанести обезоруживающий первый удар. В то же время эффективность технологий, лежащих в основе обезоруживающего удара, была довольно скромной. Два этих фактора определяли пространство для маневра по уменьшению ядерных арсеналов с двух сторон.

Сегодняшняя ситуация значительно отличается от времен холодной войны, и сокращение ядерных арсеналов становится все более опасным. Возникают новые возможности для нанесения обезоруживающего удара. Ядерные арсеналы, как в США, так и в России, в бывшем Советском Союзе, были сокращены на 80, 85, 90 процентов – в зависимости от того, как вы проводите расчеты. Сегодня многие озабочены тем, какое будущее ждет сокращение ядерных арсеналов. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно посмотреть на развитие технологий и то, как оно влияет на выживаемость ядерных сил.

Компьютерная революция привела к нескольким важным последствиям: во-первых, значительно повысилась точность нанесения удара. Во-вторых, произошел настоящий прорыв в дистанционном мониторинге как суши, так и океанов, что повышает шансы обнаружить ядерные силы противника. Также значительно улучшились методы обработки данных и средства коммуникаций.

Люди знакомы со всеми этими изменениями, но их кумулятивному эффекту уделяется мало внимания, особенно в том, что касается влияния на ядерные силы. Сегодня мы говорим о рисках и опасностях, с которыми мы сталкиваемся в эту новую эпоху, вызовах стратегической стабильности и пессимизме в отношении дальнейшего контроля над вооружениями. Но давайте говорить честно: некоторые страны при определенных обстоятельствах увидят в этом для себя новые возможности. В случае войны страны с небольшим ядерным арсеналом могут столкнуться с тем, что их ядерное оружие не сможет обеспечить сдерживание.

Давайте начнем с вопроса: как страны защищают свои ядерные арсеналы от уничтожения в результате первого удара? Здесь существует три основные стратегии. Первая – укрепление ракетных шахт и баз стратегической авиации. Вторая – это маскировка, включающая в себя также перемещение мобильных ракетных комплексов, использование макетов и муляжей. Наконец, третья стратегия – это создание избыточных арсеналов, развитие всех компонентов триады и повышение разнообразия систем. Если вы хотите защитить свой арсенал – а любая ядерная держава заинтересована в этом – именно в этом будет состоять ваша стратегия.

Наше исследование показывает, что повышение точности при нанесении удара практически обесценивает стратегию укрепления, а дистанционный мониторинг

все больше усложняет маскировку. В этих условиях сокращение ядерных арсеналов, скорее всего, будет подрывать и третье основание выживаемости ядерных сил. Наш вывод заключается в том, что выживаемость ядерных арсеналов снижается для всех игроков: для США, для России, для Северной Кореи, Пакистана и Индии. Хотя, конечно, это не на всех влияет одинаково.

Давайте посмотрим на то, как точность повлияла на выживаемость арсеналов. Во-первых, конечно, повысилась вероятность попадания в цель и ее уничтожения. Но, помимо этого, повышение точности привело и к другим последствиям, которые редко учитываются, но в сумме дают возможность говорить о начале новой эпохи обезоруживающего удара.

Так, например, в эпоху холодной войны важной проблемой был братоубийственный эффект или фратрицид, угроза, которую взрыв ядерной боеголовки представляет для следующей боеголовки, направленной на ту же цель. В связи с этим для уничтожения отдельной цели можно направить всего одну или две боеголовки, добавление последующих зарядов не влияет на нанесенный урон. И это серьезно сказывалось на вероятности поражения, поскольку, в случае неточного попадания компенсировать его было невозможно.

Наконец, произошла революция в области использования подводных лодок. В эпоху холодной войны баллистическим ракетам подводных лодок (БРПЛ) США не хватало точности для использования в обезоруживающем ударе. Сегодня возможность определить точное положение подлодки в океане при запуске ракет повышает точность удара в разы, и подлодки превращаются в мощный ресурс для обезоруживающего удара.

Более того, повышение точности серьезно повысило возможности обычных вооружений. При этом, использование обычных вооружений приведет к гораздо меньшему количеству жертв, что является важным аргументом для политиков, которые принимают решение, наносить удар или нет.

Наконец, применение новых типов взрывателей на баллистических ракетах также повышает шансы уничтожить цель, что позволяет снизить мощность заряда и нанести ограниченный ущерб противнику, уничтожив при этом необходимую цель.

Также важно учитывать возможность быстрого перепрограммирования. Теперь, если на стадии разгона ракеты что-то идет не так, можно направить запасную ракету и поразить цель.

Мы провели анализ эффективности гипотетического обезоруживающего удара против 200 укрепленных ракетных шахт с использованием БРПЛ и МБР в 1985 и 2017 гг., применили формулы, которые используются для подсчета надежности ядерных потенциалов, собрали данные, подставили в уравнение и получили

результат. В 1985 году вероятность уничтожения цели составляла 0,79. С одной стороны, это был достаточно хороший результат, с другой, при атаке против 200 целей, например, в Китае, 42 из них бы не были уничтожены. Вряд ли такой удар можно назвать обезоруживающим. Но технологии меняются, и в 2017 та же ракета Минитмен-3 имела бы вероятность уничтожения цели 0,93. Это существенное улучшение, но итоговый результат все равно не настолько впечатляющий. В результате такого удара все еще выживет 13 целей.

Тем не менее, можно сказать, что 80% процентов успеха – это все еще консервативная оценка, и взять за основу надежность в районе 90%. Если мы добавим к этому перепрограммирование, когда можно заменить ракету на самых первых секундах разгонного этапа, или же использование большего количества боеголовок для того же количества целей, то мы увидим, что происходит стопроцентное поражение цели. И, наконец, последнее технологическое дополнение – это новые детонаторы. США использовали эту технологию на боеголовках W76, что позволило увеличить точность на 30-40%. В результате всего этого, все цели могут быть уничтожены одним обезоруживающим ударом.

Таким образом, мы видим, какие революционные изменения произошли в области повышения точности нанесения удара. Теперь я передам слово моему коллеге Дэрилу Прессу, который осветит вопросы дистанционного мониторинга.

ДЭРИЛ ПРЕСС: Сегодня в мире наблюдается резкий рост прозрачности. Новые технологии дают доступ ко все большему количеству информации. С точки зрения обезоруживающего удара эти изменения особенно важны, потому что ставят под угрозу возможность скрыть расположение своих ядерных сил и таким образом повысить их выживаемость. Начиная с 80-х годов происходило появление большого количества новых систем дистанционного мониторинга и платформ для их размещения. Сегодня они дополняются беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) и кибероперациями. Происходит появление новых типов датчиков, развиваются оптические и гидроакустические системы. Появляются радары современного типа, и повышается устойчивость их платформ. Также увеличилась скорость обработки данных и их передачи.

Наше исследование не затрагивает самые последние, и, возможно, наиболее значимые развития в сфере дистанционного мониторинга. Мы коснулись только тех аспектов, которые достаточно просто смоделировать. В качестве примера мы выбрали КНДР и попытались ответить на вопрос, какой процент дорожной сети Северной Кореи возможно мониторить, и какое количество спутников и БПЛА позволит нам обеспечивать подобный мониторинг.

Начнем с радаров, выведенных в космос. До последнего времени они не могли обнаруживать движущиеся цели, а горный рельеф не позволял им эффективно следить за местностью. Кроме того, радары, расположенные на низкой

околоземной орбите, проходят над целью, собирают данные и уходят на другую сторону земли, возникают перерывы в сборе данных. Но последние пятнадцать лет технология не стояла на месте, появились радары с синтезированной апертурой, которые могут отслеживать мобильные цели и собирать о них информацию с огромной скоростью. Более того, полоса захвата радаров, обладающих достаточным разрешением для отслеживания, например, перемещения транспортных средств, существенно увеличилась. Радар, размещенный на спутнике, может обеспечить полосу захвата в 150 на 150 километров – это существенное расстояние. Если навести радар на базу мобильных пусковых установок, то все дороги к базе на расстоянии двух часов езды окажутся под мониторингом.

Другой вопрос, на который важно ответить: как часто спутники проходят над выбранной целью? На этом мы и сфокусировались в нашем анализе. Мы использовали коммерческое геопространственное программное обеспечение и провели графический анализ территории Северной Кореи. Даже с учетом того, что в Северной Корее большое количество гор, полученные результаты свидетельствуют о том, что радар с синтезированной апертурой позволяет обеспечивать достаточно эффективный сбор данных. В результате стандартный спутник – российский, китайский или японский – на геостационарной орбите в среднем будет 2,5 раза в сутки проходить над КНДР и получать возможность наблюдать за 90% дорог страны. Достаточно ли этого для наблюдения? Это будет зависеть от количества спутников на орбите.

Точно сказать сколько у США спутников, которые могут следить за КНДР, я не могу, потому что это засекреченная информация – но на орбите есть по крайней мере шесть крупных американских РЛС спутников, и, скорее всего, несколько спутников поменьше. Это означает, что США имеют возможность «сканировать» территорию КНДР каждые 90 минут. Если Вашингтон обратится за помощью к своим союзникам по НАТО и Японии, то этот интервал сократится до 27 минут. С учетом израильских спутников, можно добиться интервала в 23 минуты. При этом, хочу подчеркнуть, что и эти данные не окончательные. Очевидно, что количество специализированных спутников на орбите будет только увеличиваться. Более того, наш анализ не включает спутники, работающие в оптическом или инфракрасном диапазоне. В общем, это дает представление о том, как сложно будет северокорейским военным спрятать свои пусковые установки.

Кроме того, мы провели анализ эффективности РЛС, размещенных на БПЛА, для мониторинга территории Северной Кореи. Не входя в воздушное пространство КНДР, американские беспилотники, например, RQ-4, JSTARS или EP-3, могут получить хорошее изображение примерно половины автодорог страны. БПЛА

типа RQ-170 могут входить в воздушное пространство Северной Кореи. Если задействовать их вместе, дорожная сеть КНДР будет покрыта практически полностью.

Теперь давайте вернемся к стратегическому анализу. С самого начала ядерной эпохи все ядерные державы защищали свои стратегические силы от обезоруживающего удара, опираясь на три стратегии, которые описывал Кейр: защита арсеналов укреплениями, их маскировка и, наконец, избыточность. Работа тех, кто защищает ядерные арсеналы от атаки, значительно усложнилась и будет усложняться и дальше. Как вы могли убедиться, укрепление ракетных шахт как метод защиты уже едва ли эффективен. Революция в области дистанционного мониторинга не исключает маскировку как стратегию, но сильно ее усложняет. И, наконец, сокращения ядерных арсеналов, осуществляемые из благих намерений улучшить отношения и повысить международную стабильность, на самом деле убирают третью опору выживаемости этих арсеналов. Таким образом, при том, что мы повышаем свои возможности по нанесению удара, мы продолжаем уменьшать количество целей, которые необходимо уничтожить для успешного обезоруживающего удара. И хотя все аргументы по отдельности могут быть правильными, их комбинация выглядит очень опасной.

Что мы имеем в итоге? Во-первых, и в США, и в России идет работа по значительной модернизации ядерных сил. На наш взгляд, проблемы выживаемости ядерных сил должны при этом тщательно учитываться. Уже существует значительный риск для МБР шахтного базирования, растут риски для подводных лодок. Вопрос, которые должны задать себе и Вашингтон, и Москва: какие ядерные силы нам нужны для максимальной выживаемости?

Что касается регионального аспекта, то в прошлом аналитики считали, что обладание ядерным оружием двумя сторонами конфликта вело к патовой ситуации и, соответственно, к сдерживанию. Это была хорошая новость. Сейчас мы видим, что во многих регионах мира представление о наличии такой патовой ситуации заслуживает пересмотра. Существует ли ядерный пат между Индией и Пакистаном? Может быть да, а может быть нет, поскольку возрастают возможности для нанесения обезоруживающего удара. Между Россией и Китаем? Может быть да, а может быть нет, поскольку российские возможности по нанесению обезоруживающего удара растут. Между США и Северной Кореей? Можно сказать, что Северная Корея сейчас находится на очень неудобном этапе, когда у страны достаточно ядерного оружия, чтобы представлять опасность, но недостаточно для того, чтобы обеспечить выживание арсенала при обезоруживающем ударе. Для сдерживания такая схема плохо подходит.

И, наконец, контроль над вооружениями. В 70-80е гг. сторонники сокращения ядерных арсеналов имели благие намерения и, вероятно, внесли заметный вклад в налаживание отношений между сверхдержавами и смягчение хода холодной войны. Но технологии меняются, и необходимо пересмотреть наши предпосылки. Сокращения арсеналов, укреплявшие стратегическую стабильность в 70-80е гг., могут подрывать стратегическую стабильность в сегодняшнем мире высокоточного оружия и дистанционного мониторинга.

ВЛАДИМИР ДВОРКИН: Мне приятно выступить на таком интересном, представительном семинаре, увидеть наших американских коллег, которые десять лет тому назад хотели напугать нас и весь мир, но не получилось, и они решили через десять лет этот опыт повторить. Что касается стратегической стабильности, ее состояние, безусловно, зависит от совершенствования средств нападения, защиты, разведки, скрытности и живучести ядерных сил. При прогнозировании возможных изменений таких характеристик, как точность, защищенность, маскировка, возможности работы систем радиоэлектронной борьбы, можно идти двумя путями: можно экстраполировать тенденции, учитывая динамику того, что происходило раньше, имеет место сейчас, и что можно прогнозировать на перспективу; либо оценивать какие-то совершенно прорывные технологии, о которых мы представления пока не имеем – это какие-то новые физические способы, которые до настоящего времени не применяли реально, но только говорили о них. Это могут быть какие-то искусственные землетрясения, боевые лазеры с ядерной накачкой, с рентгеновской накачкой, пучковое оружие, еще что-то совершенно невообразимое. Можно обсуждать перспективы таких прорывов с теми же успехами, как обсуждается возможность жизни на Марсе. Этим занимался один наш известный актер в фильме, «Есть ли жизнь на Марсе?» Может быть, есть, может быть, нет.

Если рассматривать тенденции и их экстраполяцию, то точность попадания, конечно, будет возрастать и дальше, но не бесконечно. Например, наши американские докладчики оценивают круговое вероятное отклонение для ракеты Трайдент II в 120 метров. Когда-то на ракете МХ круговое вероятное отклонение оценивалось величиной 90 метров – это все уже было. Так что, конечно, можно дальше прогнозировать увеличение точности, и она, безусловно, будет повышаться, но это не означает, что продекларированная в докладе вероятность поражения, например, шахтной пусковой установки, равная 0,8, является гарантированной вероятностью поражения. Я убежден, что в их материалах эта цифра обозначает среднюю вероятность поражения, а такие вероятности поражения не используются при планировании реальных боевых действий, потому что, если вы рассматриваете возможность поражения 0,8 как математическое ожидание, то это значит, что вы должны промоделировать 100, 200, 1000 таких возможных событий, и в 20% из них ракета противника не будет

уничтожена, а будет использована в ответном ударе. Поэтому специалисты используют так называемые гарантированные оценки, задаваясь определенными уровнями гарантий выполнения задачи – 0,95, а лучше 0,99 – и в этом случае необходимое количество средств увеличивается кратно.

Я проделал небольшие подсчеты, и получается, что в таком случае нужно увеличивать наряд средств на одну шахтную пусковую установку примерно в три раза. При этом нельзя обходиться только одной точностью поражения для оценки вероятности поражения – любая техническая система по определению не может иметь техническую надежность выше 0,9. Поэтому вероятность поражения 0,8 умножьте еще на 0,9, и к тому, что получится, – там в районе 0,7 – набирайте еще необходимое количество боезарядов для того, чтобы обеспечить гарантированное поражение, – получается порядка четырех-пяти боезарядов W88, которыми оснащаются ракеты Трайдент II.

Можно бесконечно заниматься упражнениями с разведением этих боезарядов для того, чтобы не было братоубийственного эффекта, что и рассматривается в этих исследованиях, однако, это не меняет существа вопросов. Более того, если провести подсчеты не по ядерным, а по высокоточным крылатым ракетам, то наряд получается еще больше; увеличивается его кратность, потому что в этом случае действуют средства радиоэлектронной защиты. Это значит, что нет такого количества средств нападения для того, чтобы нанести разоружающий удар, и не получить сокрушительный ответный удар.

Подобное компьютерное моделирование со средними значениями удобно использовать в усложненных компьютерных играх для старшеклассников, но не для того, чтобы по-настоящему планировать боевые операции. Наши коллеги призывали не соблюдать дипломатических норм, поэтому я так и говорю, а могу еще резче сказать в конце – я заранее предупреждаю, чтобы они были к этому готовы.

Если экстраполировать повышение скрытности и живучести мобильных ракет, то здесь, в отличие от всех других параметров, возможности безграничны. Можно заниматься детальным анализом того, сколько спутников необходимо для зондирования северокорейской территории – это не секретные данные. Сейчас у американцев примерно девять спутников в системе STSS, и они заявляют о том, что им необходимо порядка 30 спутников для того, чтобы эти низкоорбитальные системы решали свои задачи, но это чрезвычайно дорого, и вряд ли такой показатель будет достигнут в ближайшее десятилетие, а может даже два.

Существует также ряд неразрешимых вопросов. Есть ли какие-то способы определения пусковых установок ракет в многокилометровых горных тоннелях на территории Северной Кореи и Китая? Есть ли какие-то такие данные по таким объектам? Их не уничтожить ни ядерным, ни обычным оружием, ведь даже

местоположение неизвестно, потому что тоннели растянуты. А когда речь идет об обнаружении мобильных объектов, да, теперь можно проследить космическими радиолокационными станциями, где и как движутся эти объекты, но необходимо еще и навести ракеты, успеть спланировать операцию. А если эти объекты будут менять скорость, как провести экстраполяцию и попасть по ним? Это весьма проблемно.

Что касается подводных лодок, сегодня не существует никаких способов определения местоположения подводной лодки на маршруте боевого патрулирования. Были попытки определять их местонахождение по так называемому спутному следу, но они зашли в тупик. Ни мы, ни американцы не способны что-то с этим сделать. Может быть, будут какие-то прорывы в этом направлении, но подлодки-то могут находиться и подо льдами. Как быть в таком случае? К каждой лодке не приставишь унифицированную подводную лодку, чтобы следить за ней – нет пока таких возможностей. А по мобильным пусковым установкам и вовсе нет никаких ограничений для того, чтобы построить любое количество ложных укрытий с точной имитацией тепловых и радиолокационных характеристик для этих укрытий. На каждую пусковую установку можно поставить 10, 20, 30, 40 таких укрытий – это дешево и надежно. А в ваших исследованиях такие тенденции попросту не учитываются.

Не учтены также возможности противоракетной обороны той стороны, которая совершила нападение, но это отдельный вопрос – у нас много исследований на этот счет. Во всяком случае, я доверяю таким авторитетам, как министр национальной безопасности США, который сказал, что Соединенные Штаты совершенно беззащитны перед российскими баллистическими ракетами, и президенту Путину, который сказал, что наши стратегические ракеты способны преодолевать любую, самую технически совершенную систему ПРО. Из этого следует, что никакое совершенствование средств разоружающего удара не может спасти атакующую страну от эффективного ответного удара. Ничего с этим не сделать, это совершенно невозможно – ни теоретически, ни практически.

Это все не зависит от того, какой уровень ущерба можно считать неприемлемым. Вы знаете всю динамику концепции неприемлемого ущерба от Макнамары и Сахарова до того, что неприемлем даже один ядерный взрыв в мегаполисе на территории атакующей страны. На мой взгляд, и наши коллеги, господа Либер и Пресс, понимают, что даже два ядерных взрыва на территории США – один в прекрасном районе Вашингтона, Джорджтауне, где находится университет, а второй в Ганновере, где располагается Дартмутский колледж, – для них просто неприемлемы. Я уже не говорю о многих десятках и сотнях других взрывов, которые безусловно гарантированы в случае попыток нанести разоружающий удар.

Стоит учитывать и тот факт, что, когда взаимно сокращаются ядерные вооружения, то таким же образом сокращаются и возможности для разоружающего удара. Стратегическая стабильность может быть наиболее надежно обеспечена в случае договорных отношений, когда существует взаимный мониторинг состояния стратегических сил. Идея о том, что нельзя дальше сокращать стратегические наступательные вооружения, потому как по мере технологического совершенствования это может угрожать возможности нанесения катастрофического ответного удара, и необходимо наращивать все усилия и тратить дополнительные средства на вооружения, очень хорошо совпадает с позицией небольшой части наших неадекватных экспертов, которые призывают к тому же самому. Поэтому я думаю, что вам потребуется еще десять лет для того, чтобы попытаться убедить нас в справедливости своих позиций.

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ: Хотел бы начать с того, что соревнование контрсилловых потенциалов, то есть потенциалов обезоруживающего удара, и живучести стратегических средств, как способа обеспечения ответного удара – не новое явление. Оно продолжается уже более полувека – с начала шестидесятых годов, когда министр обороны США того времени, великий стратег и великий менеджер Роберт Макнамара в 1962 г. выдвинул концепцию «контрсиллового» удара (т.е. удара по стратегическим силам противника), с которой собственно и началось это соревнование.

За прошедшие пятьдесят с лишним лет соревнование прошло много этапов. Иногда вперед вырывались средства «контрсиллы», и самым главным прорывом было создание ракет с разделяющимися головными частями и повышение точности попадания боеголовок. С другой стороны, постоянно повышалась живучесть ядерных сил за счет развертывания подводных лодок, повышения их доли на боевом дежурстве в море, что у нас называется «коэффициент боевой напряженности». Также это достигалось за счет базирования их или подо льдами, или во внутренних морях, под защитой собственного флота, как в Баренцевом или Охотском морях, что стало возможным с повышением дальности баллистических ракет подводных лодок до межконтинентальной дистанции. Нельзя забывать и про авиацию: конечно, она уязвима на аэродромах, и аэродромов этих немного. Но, с другой стороны, если она успевает подняться в воздух, то может запустить крылатые ракеты большой дальности, которые позволили авиации надолго, может быть навсегда, победить противоздушную оборону, поскольку позволили наносить удары, не входя в зону ПВО противника.

Я не буду вдаваться в историю вопроса: она достаточно хорошо известна и описана в целых библиотеках книг у нас в стране, в США и других странах. По поводу этого сказано море слов на большом количестве конференций и семинаров. Я хочу только подчеркнуть: происходящее сейчас –

совершенствование систем нападения и мониторинга объектов контрсилowych ударов – ничего нового и революционного не несет. Так бывало и раньше – с переменным успехом этот процесс продолжается и будет идти в дальнейшем.

В отношении подводных лодок (это такое замечание на полях) есть тенденция к развитию беспилотных подводных аппаратов. В определенном будущем, с преодолением огромного количества технических препятствий, это может поставить под удар подводную часть ядерной триады, которая до настоящего времени считалась наиболее живучей и гарантирующей потенциал ответного удара. Но надо до этого дожить и посмотреть. Наверняка, в ответ на подводные беспилотники будут созданы подводные контр-беспилотники.

Соревнование, видимо, будет продолжаться, но сейчас нет никаких оснований утверждать, что наступит конец живучести подводных лодок и наземно-мобильных ракет, способности бомбардировщиков подняться в воздух и нанести удар с большой дистанции¹.

Мы в Центре международной безопасности в Институте мировой экономики и международных отношений, в Институте США и Канады, в других академических институтах и независимых исследовательских центрах, конечно, исследуем эти вопросы и их отслеживаем. Но из всего что я читал и слышал, в том числе и сегодня, у меня не складывается впечатление, что мы стоим на пороге технических прорывов, которые раз и навсегда покончат с феноменом взаимного ядерного сдерживания и разрушат безвозвратно стратегическую стабильность. Во всяком случае, в отношениях между двумя ядерными сверхдержавами: Россией и Соединенными Штатами Америки. Техническое соревнование будет продолжаться – это верно. Его ход предсказать очень трудно, но вывод о наступлении революции в пользу «контрсилы», по меньшей мере преждевременен.

Тем не менее, сказав это, я хочу подчеркнуть, что ныне и ядерное сдерживание и стратегическая стабильность переживают большие возмущающие эффекты, которые реально могут поставить под угрозу то состояние военного баланса, которое стало привычным для нас за последние пятьдесят и еще более – двадцать лет. И в связи с этим я хочу обратить ваше внимание на пять главных возмущающих факторов.

Первый фактор – это развитие и внедрение новых систем оружия, которые стирают традиционные грани между ядерными и обычными вооружениями, между оборонительными и наступательными средствами, между системами

---

¹Сейчас дальность крылатых ракет воздушного базирования уже достигает пяти тысяч километров, и это почти межконтинентальные ракеты, до указанного рубежа не хватает 500 километров.

театра военных действий и системами глобальной войны. Главный феномен стирания граней между ядерными и обычными системами – это крылатые ракеты, где одни и те же образцы, как наш «Калибр» и американский «Томахок», могут оснащаться или ядерным, или обычным боезарядом. В будущем это возможные ракетно-планирующие гиперзвуковые средства, которые тоже, в зависимости от поставленных задач, могут оснащаться как обычными, так и ядерными боезарядами.

Стирание грани между наступательными и оборонительными вооружениями сейчас у всех на слуху: заместитель начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Виктор Познихир недавно очень сильно всех напугал на международной конференции Министерства обороны. Речь идет о возможности размещения наступательных ракет «Томахок» в пусковых установках системы противоракетной обороны наземного базирования «Иджис» в Румынии уже сейчас, а в Польше в следующем году.

Мне кажется, эта угроза преувеличена в военном плане, но с точки зрения соблюдения Договора о ракетах средней дальности – это очень важный момент, который Россия не может не принимать во внимание. Мы не имеем возможности отличить пусковую установку антиракеты «Стандарт-3» от пусковой установки ракеты «Томахок». И американская обязанность предоставить нам такую возможность. А российская обязанность – в ответ предоставить американцам возможность убедиться, что наши крылатые ракеты наземного базирования не превышают по дальности порог в 500 километров, установленный Договором о ракетах средней и меньшей дальности.

Наконец, стирание граней между региональными и глобальными системами происходит, прежде всего, из-за системы противоракетной обороны. США рассматривают наземные системы ПРО в Европе, Южной Корее, возможно, в Японии и на кораблях, как региональную систему противоракетной обороны, предназначенную для отражения удара ракет средней дальности и оперативно-тактического назначения. В доказательство выдвигается масса технических аргументов. Тем не менее, Россия воспринимает эти средства как элемент глобальной системы противоракетной обороны США вместе с элементами, размещенными в Калифорнии и на Аляске, а в будущем, возможно, и в новом позиционном районе (есть подозрения, что администрация Дональда Трампа создаст третий район на северо-востоке страны). Китай тоже рассматривает эту ПРО как глобальную систему.

В итоге названных тенденций стирается грань, которая традиционно была важна для оценки военного баланса и стабильности ядерного сдерживания. Я уж не говорю про огромные новые сложности для переговоров по ограничению и сокращению вооружений.

Второй фактор – это превращение гонки вооружений из двусторонней в многостороннюю. Причем речь идет как о ядерных, так и о высокоточных обычных вооружениях, как об оборонительных, так и о наступательных системах оружия. К этому соревнованию, помимо России и США, подключаются и другие страны. В первую очередь это Китай и Индия, но нельзя не учитывать потенциал Великобритании и Франции, Пакистана, Северной Кореи, Израиля и других возможных обладателей ядерного оружия, которые, к сожалению, могут появиться в ближайшие десять – двадцать лет, если мы не убережем Договор о нераспространении ядерного оружия. Это увеличивает опасность применения ядерного оружия в региональном кризисе. Причем даже ограниченное (по меркам России и США) применение ядерного оружия, например, Индией и Пакистаном друг против друга может вызвать глобальную климатическую катастрофу, не говоря уже о других последствиях такого применения.

Между тем, состояние стратегической стабильности, основанное на гарантированном обоюдном потенциале ответного удара, которая существует уже сорок с лишним лет между Россией/Советским Союзом и США, отсутствует в отношениях между другими ядерными державами. Таких отношений нет между Индией и Пакистаном, между Китаем и США, между США и Северной Кореей. Ну и понятно, что в том раскладе ядерных сил, в котором участвует Израиль, тоже стабильности не существует. Следовательно, во-первых, применение ядерного оружия между этими государствами гораздо более вероятно, чем между двумя сверхдержавами, а во-вторых, - включить их в процесс ограничения вооружений и транспарентности будет чрезвычайно трудно. А без них далеко продвинуться дальше по пути двусторонних сокращений и транспарентности в двустороннем формате России и США будет становиться все труднее.

Третий фактор – появление идей, и у нас они высказываются все более напористо, о том, что после глубоких сокращений ядерного оружия за последние четверть века, начиная с договора СНВ-1, ядерная война стала менее неприемлемой, поскольку не принесет глобальной катастрофы. Действительно, за последние десятилетия число боезарядов на стратегических носителях России и США сократилось примерно в шесть раз, если сравнить потолки договора СНВ-1 и потолки нового договора СНВ от 2010 года. Исходя из этого, высказываются идеи (причем не какими-то безумцами, а специалистами, которые работали в Генеральном штабе, а сейчас представляют солидные военно-научные учреждения) о том, что возможен обмен ядерными ударами, который не принесет катастрофических последствий.

На мой взгляд, это абсолютно безумная идея, во-первых, потому, что оставшиеся ядерные потенциалы все еще чудовищны.

В годы холодной войны потенциал причинения неприемлемого ущерба Макнамара оценивал в 200-400 мегатонн, способных уничтожить 50% промышленности и 25% населения противника непосредственными эффектами ядерного удара (не говоря про вторичные последствия). Тогда суммарный ядерный потенциал двух сверхдержав соответствовал примерно 2,8 миллионам «хиросим» (если перечислить на эквивалент хиросимской атомной бомбы в 15 килотонн). А нынешний потенциал, конечно, гораздо меньше, но все равно достигает более 100 тысяч «хиросим». Даже по самым заниженным и весьма спорным оценкам максимально эффективного разоружающего американского первого удара и минимального российского ответного удара, Россия получит ущерб равный 3 тысяч «хиросим», а США от российского ответа – почти 5 тысяч. Если этого мало для ядерного сдерживания, тогда не хватит никакого потенциала – пусть он будет в десять раз больше – потому, что это уже вопрос менталитета, а не стратегического анализа.

Во-вторых, наряду с сокращением ядерного оружия еще больше снизилась терпимость к потерям, как в США, так и в странах Евросоюза и в России. Если Макнамара в свое время считал неприемлемой для сверхдержав потерю 25% населения, то сейчас трудно представить себе великую идею или цель войны, ради которой они согласились бы единовременно потерять 2-3% населения (то есть до 10 млн. человек в США и до 5 млн. человек в России).

Никакое воображаемое «глобальное доминирование» не стоит таких потерь, тем более, что после обмена ударами такое доминирование вовсе не гарантировано. Кроме России и НАТО есть еще Китай, Индия, исламский мир – у всех по миллиарду с лишним народу. А на подходе демографические взрывы черной Африки и Латинской Америки. Борьба за глобальное доминирование ведется ныне не ядерными ударами, а экономическим ростом и торгово-инвестиционной экспансией, гонкой новейших технологий, избирательными военными и гибридными операциями.

Четвертый фактор – появление на этом фоне рассуждений вполне солидных, ответственных специалистов и в США, и в России, о том, что в условиях высокой стабильности стратегического баланса и невозможности нанесения разоружающего удара, появились реальные варианты избирательного применения ядерных, и в том числе стратегических сил. В официальных доктринах это пока еще не отражено или выражено достаточно невнятно, но в трудах людей, которые непосредственно вовлечены в работу государственных ведомств или связаны с ними, это проскальзывает все чаще. Получается парадокс: количество ядерного оружия сократилось во много раз, стратегический баланс стабилен как никогда в смысле невозможности нанесения разоружающего удара, и именно это является аргументом в пользу того, что можно применить

стратегические силы избирательным образом для «деэскалации» кризиса или ответа на такую тактику путем «эскалационного доминирования».

Раньше такие концепции в основном связывались с тактическим ядерным оружием, которого были многие тысячи на театрах военных действий Варшавского Договора и НАТО, а также на Тихом океане. Сейчас это вышло на стратегический уровень. У нас в стране такие опции рассматриваются как ответ на «воздушно-космическое нападение». Имеется в виду нападение Соединенных Штатов/НАТО с использованием высокоточного обычного оружия, аналог ударов по Югославии и Ираку, но только помноженных на несколько порядков по своим масштабам. Что делать России в ответ на такие удары? Нанести массированный удар означает в ответ получить массированный ядерный удар. Поэтому высказывается мнение, что необходимо сделать упор на избирательное применение стратегических ядерных сил.

Американцы, со своей стороны, тоже рассматривают избирательные опции² как вероятный ответ на отмеченные концепции со стороны России (а также, по их мнению, со стороны Китая). Такие операции и средства расцениваются как опора гарантий американским союзникам на случай, если сдерживание не сработает где-то на рубежах НАТО или на Дальнем Востоке. В таких случаях тоже предполагается решать вопрос не массированными ядерными ударами, а избирательными ударами, чтобы на каждой ступени эскалации одерживать верх, и чтобы противник, видя это, остановился и отступил. А до первого пуска обе державы рассматривают эти концепции и средства как инструмент сдерживания другой стороны.

Я убежден, что это очень опасное направление эволюции стратегических отношений. Если, не дай бог, между великими державами произойдет кризис или локальный вооруженный конфликт, то он молниеносно эскалирует до глобального обмена ударами, если какая-то сторона попытается применить ограниченные стратегические ядерные опции. Знаменательно, что когда говорят о своих избирательных ударах, то это рассматривается как предпочтительная альтернатива массированному обмену ударами. Когда об этом говорит другая сторона, то это оценивается, как понижение ядерного порога и попытка сделать ядерное оружие более действенным инструментом войны и политики.

Необходим диалог между военными и гражданскими стратегами для того, чтобы прояснить позиции. Есть вопросы в отношении воздушно-космического нападения, на которые мы пытаемся придумать ответ в виде ограниченных ядерных ударов, наряду с воздушно-космической обороной. Неплохо бы разобраться и насчет американских вариантов избирательного применения

---

²Они называют их «tailored», то есть «подогнанные» варианты ударов, по аналогии с портным, подгоняющим костюм.

стратегических средств. В российской печати новая тяжелая ракета «Сармат», как ни странно, обсуждается как раз в контексте избирательно применения, в том числе и как носитель гиперзвуковых планирующих блоков. В Америке обсуждается новая крылатая ракета большой дальности авиационного базирования или новые модификации авиабомб В-61-12, которые рассматриваются тоже как оружие не только тактической авиации, но и оружие тяжелых бомбардировщиков для применения избирательным образом.

Наконец, пятый возмущающий фактор – это беспрецедентный кризис системы режима контроля над ядерным оружием. Я не буду вдаваться в детали – об этом уже много писалось. Достаточно сказать, что впервые за пятьдесят лет, в отличие от технического развития, которое идет «по синусоиде», стоим перед перспективой полного разрушения системы контроля над вооружениями. Уже шесть лет не ведутся переговоры между Россией и США по стратегическим вооружениям. Раньше никогда такого перерыва не было: даже в худшие годы холодной войны, после начала этих переговоров в 1969 году. На грани краха Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Если он полетит – рухнет договор СНВ, вслед за ним посыплется все остальное: Договор о запрещении ядерных испытаний, а затем и Договор о нераспространении ядерного оружия.

Говорить об опасностях этого детально не буду – у нас сегодня тема не относится к контролю над вооружениями напрямую, но не отметить этого не могу. Цепная реакция распада режимов контроля над ядерными вооружениями и их нераспространения, неизбежно, причем скорее раньше, чем позже, приведет это оружие, взрывные устройства или материалы в руки международного терроризма.

Не адаптивное нацеливание стратегических ракет, не космические радары, а ядерный терроризм, получив в свои руки такое оружие, покончит раз и навсегда и с ядерным сдерживанием и со стратегической стабильностью, в том смысле, в котором мы привыкли об этом думать и говорить за прошедшие полвека.

В заключение - мой вывод, который, в принципе, противоположен выводу наших уважаемых американских коллег. Он состоит в том, что техническое развитие идет, как и шло, с переменным успехом для потенциалов первого и ответного ударов, предсказать будущее трудно, хотя, конечно, соревнование продолжается, и за ним надо следить. Безусловно, могут возникнуть дестабилизирующие моменты, но в целом это техническое развитие не стоит на пороге революционных перемен.

А вот те возмущающие факторы, относящиеся к ядерному сдерживанию и стратегической стабильности, о которых я говорил, действительно поставили нас на порог революционных перемен. Поэтому стратегическая стабильность требует

International Seminar
“Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence”
14.06.2017

продолжения переговоров, дальнейшего сокращения и ограничения стратегических и других вооружений.

До какого уровня – это вопрос серьезного анализа и прогноза. Ясно, что мы не можем сокращаться бесконечно в двустороннем формате, потому что есть другие ядерные державы, есть обычные наступательные и оборонительные системы, которые влияют на стратегический баланс. Но, как минимум, еще один шаг мы можем и должны сделать. В 2021 году истекает срок нынешнего Договора СНВ. Для подготовки нового договора времени уже почти не остается, учитывая сложность всех проблем, которые предстоит решить.

Потому, мой вывод прямо противоположен выводу наших американских коллег: опасно не дальнейшее сокращение, а отсутствие дальнейших соглашений. Неспособность или нежелание заключить следующий договор, в связи с которым нужно будет оговорить и системы ПРО, и высокоточные обычные вооружения, и гиперзвуковые системы – именно это покончит с ядерным сдерживанием и стратегической стабильностью в ходе грядущей многоканальной и многосторонней неограниченной гонки вооружений и их распространением, в том числе в руки террористов.

И последнее, что хочу сказать, поскольку позиция администрации Дональда Трампа здесь не ясна, я думаю, что, наряду с разумным курсом поддержания российского потенциала ядерного сдерживания, прежде всего, за счет таких ракетных систем, как «Ярс» и «Булава», Москва должна взять в свои руки инициативу и лидерство в сохранении режимов контроля над ядерным оружием и его нераспространения. Кроме России это сделать теперь некому. К тому же Россия находится в более уязвимом положении в случае неограниченной гонки вооружений, чем другие основные центры силы. Я думаю, что если Россия выдвинет продуманные, реалистичные предложения, то администрация Трампа будет вынуждена на них реагировать. Больших внешнеполитических успехов у этой администрации пока нет, и не предвидится, ей нужно будет продемонстрировать, что они могли сделать нечто, что предыдущая администрация не смогла. Такие прецеденты были: вспомните Никсона и Джонсона, Рейгана и Картера.

Но для этого России, конечно, надо всерьез взяться за дело. Например, мы говорим: системы ПРО США не позволяют нам двигаться дальше в сокращении стратегических вооружений. А что мы конкретно предлагаем в отношении этих систем? Вернуться к договору 1972 года? Невозможно. Мы сами систему ПРО развиваем и построили три завода для системы С-400 и С-500 и следующих их поколений. Как мы хотим ограничить ПРО, что мы предлагаем? Пока ответа нет. По высокоточным системам – что мы предлагаем? Отказаться от них, то есть от

нашего «Калибра»? Запретить наши новые авиационные системы большой дальности, которые имеют двойное назначение? Тоже ответа нет.

Ради собственной и глобальной безопасности, ради сохранения стратегической стабильности, которая немыслима без режимов контроля над вооружениями, России пора переходить от слов к делу и брать инициативу в свои руки.

АЛЕКСАНДР САВЕЛЬЕВ: Прежде всего, мы должны поблагодарить наших американских коллег за проделанную работу. Исследования интересные, хотя их результат неоднозначен. Прошу воспринимать мои слова не как критику, а как попытку помочь улучшить работу.

Прежде всего, я считаю, что в вашем исследовании существует определенный разрыв между техническими расчетами и политикой. У вас не хватает элемента принятия решений. Если мы говорим об обезоруживающем ударе, то кто-то должен принять решение о его нанесении. В каком случае такое решение может быть принято? Какая вероятность успеха необходима, скажем, 0,8 или 0,9? Я вам рекомендую провести такую красную линию или сделать светофор уровня угрозы и определить, где мы сейчас находимся, и где мы можем находиться в будущем: в красной зоне, в оранжевой или в зеленой. Я думаю, что такой мостик между техническими расчетами и политикой может быть перекинут через анализ принятия решений.

Второй вопрос: вы делаете смелый вывод о том, что дальнейшее сокращение стратегических наступательных вооружений несет в себе угрозу и фактически невозможно, но, простите, по-моему, этот вывод недостаточно обоснован. Нужно говорить о том, при какой структуре стратегических сил сторон стабильность будет подорвана. А может быть такая структура, при которой стабильность укрепитесь на более низких уровнях? Почему бы не предложить ваше видение такой структуры. Вы понимаете, я хочу вас перевести из стана противников разоружения в обратную сторону. Можно рассмотреть разные варианты. Скажем, если мы изменим структуру таким-то образом, то можем сокращаться дальше – до 1000, если другим образом – до 500, третьим – вообще, близко к нулю прийти.

Я думаю, что, если вы пойдете по этому пути, это никак не перечеркнет вашу работу. Кстати говоря, такие попытки уже фактически были: если вы помните START-II 1993 года, который был ратифицирован и Соединенными Штатами, и Россией, только в разных интерпретациях, предусматривал отказ от многозарядных МБР. Укрепилась бы стабильность? Все интуитивно чувствовали, что стабильность бы возросла, но расчетов таких не делалось, потому что договор в силу не вступил, и были другие факторы, которые не относились к стратегической стабильности, а относились к большим возможным затратам. Но, тем не менее, такие попытки уже были, почему бы их не

продолжить? Я в свое время предложил такую идею: посчитать, что будет со стабильностью, если, вообще, у сторон не будет МБР. Это будет лучше или нет?

Поэтому, добро пожаловать в клуб разоруженцев. Я думаю, вам не стоит поступать как ястребы, которые выступают против любых дальнейших шагов по разоружению, это вам пойдет в плюс.

И еще один момент, который меня интересует: у нас противоракетная оборона однозначно рассматривается как фактор, подрывающий стратегическую стабильность. Но если пойти по вашему пути и посмотреть, какую роль может сыграть противоракетная оборона у обороняющейся стороны: неужели она тоже будет рассматриваться как дестабилизирующий фактор? Не понизит ли она коэффициенты вероятности уничтожения и, тем самым, не сделает ли принятие решения об атаке менее вероятным, если силы ответного удара будут защищены противоракетной обороной. Противоракетная оборона может играть двоякую роль, на мой взгляд. Я считаю, что, при определенных условиях она способна укреплять стратегическую стабильность. Поэтому, если в вашей модели каким-то образом будет присутствовать ПРО – а она присутствует в реальной жизни – я думаю, ваша работа станет еще лучше.

ВЛАДИМИР РЫБАЧЕНКОВ: Как мы услышали, основной вывод доклада американских коллег заключается в том, что дальнейшие шаги по разоружению опасны. Прямо скажу, что мне скорее близок здесь взгляд и точка зрения академика Арбатова, который дополняет эту формулу очень важным моментом, что опасными являются именно дальнейшие шаги без диалога по контролю над вооружениями между Россией и Соединенными Штатами.

Точку зрения, которую изложили наши американские коллеги, разделяют и другие американские эксперты. В журнале «Бюллетень учёных-атомщиков» была опубликована довольно обширная статья профессора Теда Постола из Массачусетского технологического института и Ханса Кристенсена из Федерации американских ученых, которые довольно детально и с расчетами описывают новый взрыватель, который будет устанавливаться на боезаряде W76, и существенно повысит точность поражения объектов. Несмотря на то, что они являются сторонниками ядерного разоружения, они прямо говорят, что его внедрение может нарушить стратегический баланс. Когда господин Дворкин говорит, что это делается уже давно, это не совсем правильно. Речь идет о новом этапе, начатом в 2009 г. и законченном совсем недавно.

Наконец, я хочу сказать, что точки зрения американских экспертов придерживаются, должен признать, и вы наверно со мной согласитесь, значительные слои экспертов, как в Министерстве иностранных дел, которое мне хорошо знакомо, так и в Министерстве обороны. Поэтому я бы считал некорректным термин, который употребил Владимир Зиновьевич, назвав их

неадекватными оппонентами и экспертами. Ведь мы все-таки ведем речь о цивилизованном, взаимоуважительном диалоге. Хотя я тоже против сокрытия своих мыслей за дипломатическими формулировками, все-таки, если мы говорим о цивилизованном диалоге, не стоит бросаться такими словами.

ФЕДОР ЛАДЫГИН: Я не смог услышать ни со стороны американских коллег, ни со стороны российских коллег оценку влияния противоракетной обороны на те выводы, которые они сделали. Сугубо предварительно – я не считал – но можно сказать, что если бы американские коллеги учли противоракетную оборону, то они пришли бы к еще большему утверждению правильности своих выводов. С другой стороны, когда выступают российские коллеги, то они тоже совершенно упускают из виду противоракетную оборону. Я лично глубоко убежден, что это абсолютно неправильно. Вопросы противоракетной обороны нужно в обязательном порядке обсуждать, если мы хотим сделать правильные выводы относительно того, можно ли сокращать ядерные арсеналы и до какого уровня.

Алексей Георгиевич сказал, что если переговоры начнутся, то потом можно было бы учесть и противоракетную оборону. Мое глубочайшее убеждение состоит в том, что ее нужно учесть до того, как начнутся переговоры. Я думаю, что каждый из нас, здесь сидящих, слышал на конференции Министерства обороны по международной безопасности выступление двух российских представителей, причем не дилетантов. Кстати говоря, я согласен с вашей оценкой того, что называть американских коллег дилетантами было не совсем этично. Возвращаясь к конференции: со своими оценками выступили заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба и ответственный сотрудник института, который занимается вопросами противоракетной обороны. И это были довольно интересные оценки. Поэтому неправильно, когда отрывается одно от другого, такое поверхностное рассмотрение проблемы противоракетной обороны себя изжило.

Алексей Георгиевич и, в некоторой мере, Владимир Зиновьевич принимали участие в переговорах по СНВ-1 в 1990 г., когда американцы предложили нам рассмотреть проблемы ограниченной системы противоракетной обороны. Эта проблема возникла у американской стороны еще в 1983 г. И, в конечном итоге, они не мытьем, так катаньем отказались от договора по ПРО при президенте Буше младшем. США развивают свою систему, а нам, прошу прощения за это выражение, *лепят горбатого*, говорят, что Европу нужно защищать от Северной Кореи и Ирана. Кстати говоря, в 1990 г. речь шла, вообще, о Бразилии, которая якобы могла представлять когда-то в далеком будущем угрозу для Соединенных Штатов, потому что у бразильцев есть идея создания космической программы.

Второй момент, Алексей Георгиевич говорил, что ограниченное использование ядерного оружия той или другой стороной по таким незначимым объектам является новым явлением. Это история не последнего времени – подобный подход рассматривался Соединенными Штатами и принят, подчеркиваю, на вооружение. Другой вопрос, в какой степени это сказывается в настоящее время. Речь шла, в том числе, о так называемой концепции окончания обычной войны ограниченным использованием стратегических наступательных сил. На основании реальных исторических фактов, на примере Израиля и/или Западного Берлина рассматривалось, как стоит действовать Соединенным Штатам.

Также рассматривалось нанесение ограниченных ядерных ударов по нефте- и газодобывающим объектам у нас на севере, которые бы дали ощутимый для Советского Союза эффект. Скажем, из строя выводилось 10-15 процентов нефте- и газодобычи, это было бы ощутимо, но не смертельно. Причем, поскольку количество погибших было бы небольшим, в некоторых сценариях получалось, что Советский Союз мог бы себя ограничить и не отвечать ядерным ударом. Поэтому, Алексей Георгиевич, эта система рассматривается уже давно, даже если взять середину 80х гг., прошло по меньшей мере 30 лет.

АЛЕКСАНДР САВЕЛЬЕВ: Очень краткая справка насчет 1990 г.: я как раз был в делегации, в группе по обороне и космосу. США тогда предложили соглашение с переходом на стратегические отношения с большей опорой на оборону взамен договора по ПРО. Это соглашение не стало предметом обсуждений, мы им даже не задали ни одного вопроса. После чего предложение тихо умерло, хотя попытка такая действительно была.

ФЕДОР ЛАДЫГИН: Вы имеете в виду переговоры по противоракетной обороне, а я говорю про делегации высокого уровня, которые со стороны США возглавлял первый заместитель госсекретаря Бартоломью, а с нашей стороны – заместитель министра иностранных дел Обухов. С американской стороны в этих обсуждениях принимал участие Джон Шаликашвили, заместитель Колина Пауэла, который был председателем Объединенного комитета начальников штабов, с российской – директор института США и Канады Рогов. Это были непростые переговоры, Соединенные Штаты не хотели помещать в договор СНВ никакого упоминания о противоракетной обороне. Только после длительных настоятельных разговоров они согласились на то, чтобы было одностороннее заявление Советского Союза, которое было записано в договоре. Мы приняли тогда решение на это согласиться, потому что ничего другого не получалось.

АНДРЕЙ МАЛОВ: Короткое наблюдение, которое подтверждает тезис о том, что дискуссии, исходящие из приемлемости ядерного удара, к сожалению, продолжаются, причем в практическом плане. В качестве примера могу привести площадки в Женеве и Нью-Йорке, где уже на протяжении пяти лет интенсивно

проводятся мероприятия, круглые столы, семинары по проблематике беспилотников. Мои последние наблюдения показывают, что эта проблематика все больше начинает сводиться к попыткам взлома системы ПРО путем массированного применения мини БПЛА методом роя, так называемый *compact UAV swarm*. Причем эксперты достаточно серьезно пытаются доказать, что именно такое применение БПЛА и ждет, будут взламывать системы ПРО, запутывать системы РЭП и так далее. Это рассматривается именно с практической точки зрения, как возможность нанесения первого превентивного удара. Это очень удивляет, потому что все эти игры крайне опасны. Когда серьезные, солидные эксперты начинают рассуждать о приемлемости такого сценария, нам, практикам, честно говоря, становится не по себе.

ЕВГЕНИЙ МЯСНИКОВ: В чем можно согласиться с нашими американскими коллегами, это в том, что конечно же, мир движется вперед, ситуация меняется, и то, что казалось неуязвимым раньше, становится более уязвимым. Улучшается точность вооружений, они меняются качественно, приобретают новые свойства. Насколько это все стало серьезно – вопрос открытый. Мне кажется, для этого нужны более детальные исследования и, прежде всего, с техническим подходом, учитывая реальные технические достижения, что мне представляется крайне сложным сейчас в силу ряда причин. Поэтому, я думаю, что окончательного ответа на вопрос, который ставится сейчас экспертами, нет. Это тема для дальнейших исследований.

КЕЙР ЛИБЕР: Должен сказать, что очевидно, что мне не нужно было уговаривать моих российских коллег выступать с критическими комментариями, я мог сэкономить на этом время. На прошлой неделе я прочитал диссертацию аспиранта Джорджтаунского университета, который очень подробно разбирает переговоры по ОСВ. Я хочу поделиться с вами двумя наблюдениями в этой связи. Во-первых, степень, до которой советские и американские переговорщики буквально не слышат друг друга встречу за встречей, поразительна. Но теперь, я лучше понимаю, как это выглядело, особенно после того как я послушал генерала Дворкина. Второе наблюдение, сама диссертация была в основном посвящена дискуссии внутри администрации Никсона между различными подходами к формированию внешней политики США, там шли ожесточенные споры. И мне было приятно увидеть, что российские коллеги также ведут открытую и горячую дискуссию этим вопросам, я благодарен за возможность услышать ваши взгляды. Несколько комментариев с моей стороны.

Во-первых, если мы отойдем от риторики и попытаемся понять по каким параметрам мы все-таки не согласны друг с другом, то, можно сказать, что речь идет о техническом анализе. В частности, генерал Дворкин говорил о гарантированных оценках. Я хотел бы попросить вас прочитать нашу статью в

журнале *International Security*, у статьи также есть техническое приложение, и вы поймете, что это значительно более качественный анализ, чем то, что мы успели сегодня озвучить.

Вторая сфера расхождения сводится к тому, что наши российские коллеги считают, что одного ядерного заряда будет достаточно для обеспечения сдерживания. В таком случае количество не имеет значения, и, если есть возможность нанести ядерный удар по Вашингтону и по Дартмуту, этого будет достаточно. К счастью у нас нет примеров несрабатывания системы сдерживания, чтобы их проанализировать, но мы можем анализировать историю холодной войны. И я хотел бы обратить ваше внимание на два конкретных примера. Во-первых, стратегия США по сдерживанию советского вторжения в Западную Европу основывалась на применении ядерного оружия. Если бы Красная армия прошла Фульдский коридор, США использовали бы ядерное оружие. И на американскую сторону не повлияло бы советское сдерживание, причём подход не изменился даже после того, как у СССР появилась возможность применить ядерное оружие против территории США. Руководство США понимало, что не сможет лишить Советский Союз возможности нанести ответный ядерный удар, и, тем не менее, твердо планировало использовать ядерное оружие.

Второй пример из времен холодной войны связан с подводными лодками. Существует убеждение, что подлодки неуязвимы, что БРПЛ будут неуязвимы, и так будет в будущем. Сложно сказать, что нас ждет в будущем, идет постоянное развитие технологий, океаны становятся все более доступными для мониторинга. Но давайте посмотрим в прошлое. Мое понимание истории таково: почему советские подлодки ушли в бастионы, защищенные зоны прибрежных морей? Потому что у США появились возможности следить за разворачиванием советских подлодок. Командующие флотом США прямо говорили, что они могли отслеживать все советские атомные подлодки от выхода из порта до места патрулирования и возвращения на базу. Так что для тех, кто делает все ставки в плане нанесения ответного удара на подводные лодки и не хеджирует риски, история может подсказать, что следует быть более консервативными.

И последнее, что я хотел бы сказать, было бы очень и очень странно, если при всех технологических изменениях, которые были принесены компьютерной революцией во всех сферах жизни, ничего бы не изменилось в области сдерживания и стратегической стабильности. Но так, похоже, считают наши комментаторы, что все в целом осталось без изменений. Это кажется очень маловероятным. В рамках данного исследования мы проводили обсуждения по всему миру, в Китае, в Корее, в США, в Европе, с военными, исследователями.

И только незначительное меньшинство считает, что ничего не изменилось, и все остается по-прежнему.

И точно последнее замечание: наш коллега Алексей Арбатов согласен с нами в том, что процесс сокращения стратегического оружия практически прекратился или находится на грани распада. Логично спросить, почему? Действительно ли возможно, что технологические изменения вообще никак на это не повлияли? Мне было бы странно так думать.

ДЭРИЛ ПРЕСС: Спасибо, именно на такое общение мы и рассчитывали: на критику, на комментарии, на предложения. Теперь по пунктам. Тем, кто считает, что наш технический анализ был упрощенным или поверхностным, хочу посоветовать ознакомиться с техническим приложением к нашей статье. Вы поймете, что это не что-то, что мы просто изобрели, сидя в своих офисах. Мы обсуждали технические детали с американскими военными специалистами, которые ежедневно занимаются вопросами операционного ядерного планирования. Мы обсуждали наше исследование с Ливерморской и Сандийской лабораториями, с экспертным сообществом. Вам могут не нравиться наши выводы, могут не нравиться наши предложения, но посмотрите на технический анализ, и вы поймете, что он глубокий и серьезный.

Несколько людей в аудитории правильно обратили внимание на то, что наше исследование не затрагивало ПРО. Этот вопрос действительно следовало бы включить, но в этом случае наши выводы только бы подкрепились. Российские аналитики уже на протяжении десятилетий говорят, что, хотя система ПРО называется «системой защиты», и у нее есть защитное применение, на самом деле – это наступательная система. ПРО намного более эффективна против небольших слабо организованных сил, которые наносят ответный удар, чем против полномасштабного первого вражеского удара. Поэтому, если вы добавите к нашему анализу ПРО, если вы добавите к нему возможности, которые дает искусственный интеллект, то наши выводы станут еще более обоснованными.

Мне кажется, некоторое противоречие, с которым мы с Кейром столкнулись в этой аудитории, связано с тем, о чем говорил генерал Дворкин в самом начале. По моему мнению, он считает, что мы приехали с угрозами, и это было целью нашего анализа. Я бы предложил другую аналогию. Частные компании по всему миру занимаются кибербезопасностью и периодически обнаруживают системные уязвимости, важные для всех пользователей. Когда они публикуют отчеты об этих уязвимостях в операционных системах, они не пытаются кому-то угрожать, они стараются информировать людей, чтобы ситуацию можно было исправить. Пожалуйста, воспринимайте наш анализ именно так.

Мне показалось совершенно правильным предложение доктора Савельева. Мы должны четко разделять последствия технологических изменений для контроля

над вооружениями и сокращения вооружений. Как сказал доктор Савельев, можно достичь таких соглашений по контролю над вооружениями, при которых наши текущие низкие уровни ядерных арсеналов не представляли бы опасности. Я полностью согласен с таким подходом, но хотел бы добавить два предостережения: абстрактное и конкретное. Абстрактное звучит так: мы действительно не можем предсказывать будущее, но мы можем анализировать существующие технологические тенденции. Первый – точность оружия будет возрастать, все становится более точным. Второй – мир становится все более транспарентным, я не могу обеспечить безопасность даже пароля собственной кредитной карты.

В том, что касается конкретно соглашений о контроле над вооружениями, которые пытаются справиться с этой проблемой, в США, когда я говорю со своими друзьями, они говорят – да, но есть еще подводки. С американской точки зрения, есть три решения: подводки, подводки и подводки. Но сейчас мы знаем из опыта холодной войны, что иногда это решение работало, а иногда нет. Но, что важнее, системы доставки ядерного оружия, выживаемость которых основана на маскировке, такие как подводные лодки (неважно, китайские, американские или российские), могут быть совершенно неуязвимыми на протяжении долгого времени, а затем внезапно стать уязвимыми. И большая проблема с подобными системами заключается в том, что если строить на них всю свою стратегию сдерживания, то оператор может не заметить, что произошел этот переход к уязвимости, и не знать об этом какое-то время. В этих условиях подходить к сокращениям нужно очень аккуратно.

Последнее замечание: мне кажется, комментарий господина Арбатова и генерала Дворкина справедлив в том, что, к счастью, учитывая, что политические лидеры очень чувствительны даже к малейшей вероятности ответного удара, они очень осторожно подходят к идее обезоруживающего удара. Но я хотел бы обратить внимание на то, что, когда мы говорим про сдерживание, мы не проводим важное разделение между сдерживанием в военное и мирное время. Если представить, что сейчас президенту США доложат, что мы можем уничтожить 95% ядерных ракет КНДР, он откажется санкционировать удар, потому что оставшиеся 5% могут нанести неприемлемый ущерб. Но если представить, что началась война на Корейском полуострове, и Пхеньян уже применил ядерное оружие, то 95% процентов будет вполне достаточно для того, чтобы отдать приказ.

Так что при оценке стратегической стабильности не только между США и Россией, но и между Индией и Пакистаном, или Россией и Китаем, или США и Китаем, я призываю вас думать не только о стабильности в мирное время, когда одного ядерного заряда может быть достаточно для сдерживания – необходимо

думать о стабильности в военное время, потому что, в итоге, это может быть самым важным для предотвращения ядерной эскалации во время войны.

ВЛАДИМИР ДВОРКИН: Я полностью согласен с последними тезисами, которые озвучил наш американский коллега. Вообще, очень долго можно говорить об истории возможности применения ядерного оружия и его характера. Я беседовал как-то с Робертом Макнамарой. Он сказал, я вам все врал: мы никогда бы не применили ядерное оружие, если бы ваши танки пошли до Ла-Манша. По крайней мере, так он утверждал. Другие серьезные американские люди говорили, что мы, вообще, плохо представляем психологию тех, кто определяет возможности нанесения ударов, поэтому мы зря надеялись на стратегическую стабильность и все прочее.

Мы здесь не упоминали о противоракетной обороне. Я могу сказать только одно: Федор Иванович Ладыгин и Юрий Николаевич Балуевский знают те тактико-технические требования к средствам преодоления ПРО, которые задаются и задавались на российские стратегические ракеты. Перед тем как задавать эти требования, представляются модели противоракетной обороны. Так вот, модель противоракетной обороны, которая представляется и представлялась для разработки наших средств преодоления, она была примерно на уровне «Звездных войн» со всеми эшелонами защиты. Сейчас она поменьше, но была такая. И наши разработки обязаны были обеспечить высокую эффективность преодоления этих систем ПРО. Я думаю, что и Федор Иванович, и Юрий Николаевич ставили там свои подписи. Мне тоже приходилось ставить, потому что я значительную часть времени разрабатывал проекты этих требований: и если бы наши системы не смогли бы преодолевать с высокой эффективностью ПРО, то мы с вами должны были нести ответственность очень жесткую за невыполнение этих требований.

Никакая ПРО не способна преодолеть массированного ответного удара сотен ядерных ракет. Вот это я прошу принимать как точку зрения специалистов, которые занимались этим делом. Меня удовлетворяет ответ наших американских коллег, когда они сказали, что да, они использовали не гарантированные оценки, а средние. Я это понял, когда прочитал ваши труды заранее. Вы говорили, что вы советовались с представителями Ливерморской лаборатории, но вам надо советоваться по этим вопросам, по гарантированным оценкам, с теми военными операторами, специалистами, которые занимаются планированием ударов. Это не задача ядерщиков заниматься гарантированными оценками – это военный оперативный анализ и расчеты.

Господин Рыбаченков сказал, что некорректно так говорить, и что адаптивный подрыв – это новый способ. Я Вам скажу то, что Вы не знаете и вполне имеете право не знать, я сталкивался с этим делом в разработках наших американских коллег 20 лет тому назад. Я знаю, где это и как внедрено, поэтому прежде чем

заявлять о корректности и некорректности, надо как-то выравнять уровень понимания и знания этих вопросов.

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ: Уважаемый Федор Иванович Ладыгин, Вы говорите, что надо сначала договориться по ПРО, а потом начинать разговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений. Так я вас понял?

ФЕДОР ЛАДЫГИН: На мой взгляд, сначала нужно нам самим определиться относительно влияния ПРО на все вопросы, которые мы сейчас обсуждаем, а уже потом выступать с приложениями вести переговоры. Мы сначала должны все решить для себя. Хочу отметить, что я говорил о ПРО не для массированного удара, а ПРО для ограниченного удара, когда у вас останется 200-300 боеголовок, и как сработает это ПРО.

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ: Федор Иванович, в таком случае, между нами никаких противоречий нет – это было то, чем я закончил. Давайте сами определимся, что мы хотим от американцев получить, вот их позиция неконструктивна, потому что они говорят: «ПРО – это священная корова. Никаких переговоров по ней вести не собираемся». Мы должны эту священную корову убить и сказать «мы будем продолжать диалог только если включим и проблематику ПРО. Но, при этом мы должны сами определиться – я пока никакого определения в наших официальных позициях на этот счет не видел. Что мы хотим от американцев? Если это просто ультиматум, то на них он не подействует, они не поддадутся. Вы правильно говорите: давайте определимся, какая нам нужна ПРО. Она, кстати говоря, нам тоже нужна, учитывая наше геостратегическое положение, учитывая необходимость защиты наших стратегических сил – об этом президент говорил, учитывая угрозу неядерных систем, от которых тоже оборонительная система нам нужна. Определимся, что нам нужно, и выдвинем американцам конкретные предложения. Тут полностью согласен.

ФЕДОР ЛАДЫГИН: Алексей Георгиевич, я часто слышу, что мы говорим о ненаправленности ПРО. Я не знаю, что такое «ненаправленность». Это не Вы именно говорили, но некоторые наши специалисты заявляют, если Соединенные Штаты нам скажут, что ПРО США не направлено против России, мы согласимся. Я прямо скажу, это глупая постановка вопроса.

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ: Я согласен с тем, что это глупая постановка вопроса, я об этом и говорил, и писал. Что касается ограниченных ядерных ударов, Вы совершенно правы, Федор Иванович, это не новая концепция. Начиная с Роберта Макнамары, продолжая Джеймсом Шлессинджером с концепцией «выбора цели», а потом Дональдом Рамсфелдом предусматривалась возможность ограниченных ударов в ходе обычной войны. Разница была в том, что мы всегда это отвергали. И мы всегда говорили: на любое применение ядерного оружия мы

будем считать свои руки развязанными и будем наносить массированные удары по всем целям, так как сочтем нужным.

Что изменилось сейчас, в 2003 г. в издании Министерства обороны были опубликованы «Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации», где впервые было сказано, что мы можем ограниченно применить ядерное оружие с целью деэскалации в целях демонстрации намерений и так далее. Сейчас, в условиях обострения напряженности, это снова просачивается в печать, что и мы рассматриваем такие варианты. Когда две стороны рассматривают такие варианты – ситуация принципиально иная. В этом и был пафос моего выступления, когда я сказал, что это новое явление, которое может подорвать стратегическую стабильность, несмотря на гарантированный потенциал разрушительного ответного удара для обеих сторон, а в чем-то даже благодаря ему.

АНДРЕЙ БАКЛИЦКИЙ: Подводя итоги, я думаю, что все участники дискуссии могут согласиться с тем, что помимо технических вопросов о том, насколько изменился мир и насколько изменилось сдерживание с учетом новых технологий, есть вопросы политического принятия решений. Даже если вероятность уничтожения ядерных сил повысится с 80 до 95%, ответственность за риск получить ответный ядерный удар от оставшихся пяти процентов будет лежать на политическом руководстве.

Второй момент, на котором мы можем сойтись, заключается в том, что есть существенная разница между принятием решений в военное время и в мирное время. То, что верно для мирного времени, может не соответствовать действительности в случае войны. Это еще один аргумент в пользу необходимости диалога, поскольку именно диалог может позволить не дойти до состояния, когда система ядерных сдержек и противовесов перестанет работать.